

УДК 811.161.1'367.332.8

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ «ЗА + В. П.» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Дмитрий Владимирович Руднев

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. rudnev@mail.ru

В статье рассматривается предикативное употребление предложно-падежной формы существительного «за + В. п.» в конструкциях с полузнаменательными связками в русском языке XVIII–XIX вв. В первой половине XVIII в. эта предложно-падежная форма часто встречалась в сочетании с различными полузнаменательными связками, выражая оттенок сомнения, т. е. являясь средством выражения модуса. Начиная с середины XVIII в. происходит быстрое вытеснение этой предложно-падежной формы существительного Тв. предикативным. Этот процесс продолжился в XIX в., результатом чего стало ограничение предикативного употребления формы «за + В. п.» очень небольшим кругом связочных глаголов (*слыть, прослыть, считаться, почитаться, показаться*). Выход из предикативного употребления этой предложно-падежной формы протекал неодинаково в конструкциях с разными полузнаменательными глаголами: раньше всего, уже в середине XVIII в., она перестала употребляться в сочетании со связочным глаголом *служить–послужить*; дольше всего она удерживалась в конструкциях со связочными глаголами со значением общего мнения (*считаться, почитаться, полагаться, разуметься* и др.). Последнее обстоятельство было вызвано тем, что связочные глаголы со значением общего мнения на протяжении XVIII в. очень широко сочетались с различными предложно-падежными формами существительного. В современном русском языке предложно-падежная форма существительного «за + В. п.» является стилистическим средством, которое позволяет придать высказыванию разговорно-просторечную, устаревшую или ироничную окраску.

Ключевые слова: русский язык; история языка; простое предложение; составное именное сказуемое; связочный глагол; именная часть; семантика.

Связочные глаголы современного русского языка по их способности употребляться с предложно-падежными формами существительного можно разделить на три группы: во-первых, связочные глаголы, способные употребляться с предложно-падежными формами наряду с Им. и Тв. предикативным (связки *быть, остаться, оказаться*); во-вторых, связочные глаголы, которые сочетаются с Тв. предикативным и – изредка – с Им. предикативным и вовсе или почти не способны сочетаться с предложно-падежными формами существительного (большая часть связочных глаголов); в-третьих, связочные глаголы, сочетающиеся с предложно-падежными формами существительного и не способные употребляться с Им. и Тв. предикативным (связочные глаголы *пребывать, находиться*, а также так называемые «неспециализированные связки» [Лекант 1976: 100–101] типа *сводиться к, принадлежать к, состоять из* и др.).

В современном русском языке в именной части сказуемого может употребляться значительное число падежных и предложно-падежных форм существительного [Рословец 1960], причем на протяжении последних нескольких веков наблюдается отчетливая тенденция к расширению их предикативного употребления. Этот процесс соотносится с имеющим аналогичный характер процессом расширения употребления падежных и предложно-падежных форм существительного в атрибутивной функции. По словам Л. В. Щербы, в русском языке прослеживается «очевидное стремление заменить определение указанием на отношение определяемого к тому отвлеченному представлению, с которым связывается представление о тех или иных качествах, свойствах» [Щерба 1958: 101]. Если вспомнить слова А. А. Шахматова о том, что «всякие атрибутивные отношения могут мыслиться и предикативно» [Шахматов 1941: 179], то связь между

расширением употребления предложно-падежных форм в позиции атрибута и соответственно предиката становится очевидной.

Впрочем, предикативное употребление падежных и предложно-падежных форм существительного генетически связано не только со словосочетаниями, выражающими атрибутивные отношения, но и с глагольными словосочетаниями, в которых предложно-падежные формы выражают объектные или обстоятельственные отношения. Генетическая связь между обстоятельственным и предикативным употреблением особенно отчетливо прослеживается на примере предложно-падежной формы «в + Пр. п.», которая развила значение состояния на основе локативного значения еще в глубокой древности [Топоров 1961: 67–69]¹. В рамках современного двусоставного предложения выражение состояния происходит главным образом при помощи предикативного употребления предложно-падежных форм существительного, особенно формы «в + Пр. п.», что объясняет ее очень высокую частотность среди остальных предложно-падежных форм². Я. И. Рословец выделяет у нее не менее 7 значений, главным образом это значения качественного состояния [Рословец 1960: 206–208]. П. А. Лекант отмечает, что по своей конструктивной четкости и широкой употребляемости форма «в + Пр. п.» стоит рядом с именительным и творительным предикативным имени существительного [Лекант 1963: 152]. Генетическая связь между локативным и предикативным употреблением предложно-падежной формы «в + Пр. п.» создает немалые трудности при ее синтаксической квалификации: в ряде случаев трудно определить, с каким ее употреблением мы сталкиваемся – обстоятельственным, предикативным или обстоятельственно-предикативным [Андреева 1964; Тимофеева 1970].

Предикативную функцию способны выполнять в общей сложности 27 предложно-падежных форм существительного. Согласно наблюдениям А. А. Калинина, наиболее частотной из них является форма «в + Пр. п.», на которую приходится примерно 38,5%; далее идут «на + Пр. п.» (11%), «из + Р. п.» (9%), «с + Тв. п.» (7,5%), «без + Р. п.» (5,5%), «по + Д. п.» (4,5%), «в + В. п.» (4%) и т. д.; форма «за + В. п.» находится на 17-м месте по частотности употребления. Доля употребления формы «за + В. п.» среди прочих предложно-падежных форм очень невелика и составляет чуть больше 1% [Калинин 2003: 16–17]³. Однако, несмотря на малую частотность употребления этой предложно-падежной формы в современном русском языке (предикативное употребление предложно-

падежной формы «за + В. п.» гораздо шире представлено в современном украинском языке [Мразек 1990: 73]), она представляет значительный интерес с точки зрения процессов, протекавших в системе составного именного сказуемого в русском языке XVIII–XIX вв. Мы постараемся показать это в предлагаемой статье, основанной на материалах автора и на примерах, извлеченных из Национального корпуса русского языка.

В предикативном употреблении форма «за + В. п.» имеет два значения: «значение замещенного предмета (лица) или понятия» (*Временами и ломоть за целый хлеб*. Слов. Даля; *Часочек-то кажется за денечек, Денечек-то кажется за неделку, Недельюшка кажется за годочек*. Нар. песня; *Крестьяне подкрепились, Роман за карульного остался у ведра*. Некрасов) или значение «ошибочной идентификации» (*Поэтому чрезвычайно важно для нас знать, каковы понятия этой толпы о добре и зле, что у ней считается за истину и что за ложь*. Добролюбов). Второе значение реализуется только в конструкциях с глаголами *считать* – *считаться* и *принимать* – *приниматься* и является, по-видимому, результатом модификации первого значения ([Золотова 1988: 185–186]; примеры взяты из указанной работы).

Расцвет предикативного употребления предложно-падежной формы «за + В. п.» пришелся на XVIII в. В этот период данная форма употребляется не только чаще, но и с более широким кругом глаголов, чем в современном русском языке. Среди связочных глаголов, которые встречались в сочетании с существительным в форме «за + В. п.», были *видеться*, *казаться*–*показаться*, *почитаться*–*почесться*, *вменяться*–*вмениться*, *полагаться*, *признаваться*, *слыть*–*прослыть*, *служить*–*послужить* и др. Например:

Сия статья видитца и не велми тяжка, что чужое отдать без наддачи, а высоким персонам покажетца за великую беду (Пос., Кн. о скуд. и богат., 103); *Сия наука [чернокнижество] с древних за великое таинство почиталась, и верили многие истинному быть действию* (Тат., Разг. дву прият., 93); *...только так своею наружностью не пышны, что они плотскому миру или безумием кажутся, или за сор вменяются, или, по крайней мере за такое что-либо, которое их собственным понятиям не нравится* (*Плат., Пред. на учен. кат.)⁴; *...ибо некогда обнадеживание или порадование болящему за лекарство послужит* (Тат., Наказ Некл., 91); *Також печатанные в наше время: Истолкование десяти заповедей и блаженств, которыя за Катихизм, а Малой букварь, или Юности честное зеркало, за*

лучшее *нравоучение служить могут...* (Тат., Дух., 137).

Кроме имени существительного, в форме «за + В. п.» могло выступать также полное прилагательное, которое в этих случаях субстантивировалось. Например: *На сие предложение прежде меня от многих в физике весьма преславных людей к отрешению довольно представлено и з совершенными доказательствами опровергнуто, я же, колико **видится за нужное**, вкратце изображаю* (Тат., Сказ. о зв. мамонте, 46); *...третье, что душа младенца от души родителей происходит, многим **кажется за лучшее**, токмо в нем есть то неудобство, что душа будет материальна, следственно, не дух, и в бессмертности нанесет сумнение* (Тат., Разг. дву прият., 54).

Предикативное употребление существительного (или полного прилагательного) в форме «за + В. п.» с достаточно широким кругом связочных глаголов ставит перед исследователем целый ряд вопросов – есть ли между этими глаголами что-то общее, в чем причины более широкого предикативного употребления этой предложно-падежной формы в прошлом и какова была ее дальнейшая судьба.

У связочных глаголов, употреблявшихся с формой «за + В. п.», можно выявить общий смысловой компонент: все они в той или иной мере (менее всего связочный глагол *служить–послужить*) используются для передачи мнения с оттенком сомнения, дубитативности. Таким образом, форма «за + В. п.» в сочетании с этими глаголами содержит не только «значение замещенного предмета (лица) или понятия», но и указание на возможность «ошибочной идентификации», на возможную ошибочность мнения. В связочном глаголе *служить–послужить* доминирующим является заместительное значение, на что указывает параллельное употребление в сочетании с ним формы «вместо + Р. п.»; ср.: *При сем посылаю письмо на имя господина профессора Гмелина, которое **служить вместо предисловия может...*** (Тат., П. Шум., 138); *...распущенный его [коня] хвост и грива **служили ему вместо крыльев...*** (Чулк., Пересм., 34); *Один взгляд мой **служил ему вместо ответа...*** (Нов., Пох. Ив. гост. с., 428); *...щит мой **служил мне вместо изголовья...*** (Левш., Русск. ск., 333).

Дубитативный оттенок в данном случае не прослеживается, однако не следует думать, что связочный глагол *служить–послужить* совсем лишен субъективного оттенка: этот глагол используется для выражения функциональной характеристики предмета. Функция же обозначает «явление, зависящее от другого, основного яв-

ления и служащее формой его проявления, осуществления» [БАС 16: 1592]; в этом определении содержится имплицитное указание на субъекта, выявляющего отношения зависимости между разными явлениями. Предложно-падежная форма «вместо + Р. п.» изредка встречается также в сочетании со связочным глаголом *почитаться–почестья*. Например: *Но и ныне нередко **почитается сильного оружие вместо прав народных*** (Лом., Сл. о п. хим., 366); *Ибо как идолы от многобожников **почитались вместо истинного бога**, так и предрассуждениям, как настоящей истине, надлежащее почтение от зараженных оными отдается...* (Ан., Сл. о св. позн., 146).

Дальнейшая история предложно-падежной формы «за + В. п.» оказалась связана с распространением в русском языке Тв. предикативного. Большинство лингвистов, рассматривающих историю развития Тв. предикативного, видят в этом лишь одно из проявлений общего процесса развития гипотаксиса на месте паратаксиса (см., например: [Тарланов 1999: 165–172]): Им. предикативный как согласуемый падеж был заменен Тв. предикативным как управляемым падежом. На самом деле в этом процессе нельзя видеть простую замену одного падежа другим: Тв. п., развивая способность к предикативному функционированию, втягивал в сферу именного сказуемого целый ряд обстоятельственных значений, которые ему были присущи генетически, прежде всего значение образа и способа действия, сравнительное значение. В связи с этим широко распространенное утверждение, что существительное в форме именительного и Им. и Тв. предикативного, независимо от падежа, выражает обобщенное значение отождествления (см.: [Лекант 1976: 112–113; Герасименко 2000: 25–26] и др.), требует уточнения: отношения тождества реализуются лишь Им. предикативным, тогда как Тв. предикативный способен выражать только отношения включения [Вейренк 1971: 137–138; Гиро-Вебер 2007: 24–25].

Распространение Тв. предикативного имени существительного позволило ему взять на себя выражение целого ряда признаков значений, ранее выражавшихся предложно-падежными формами существительного («за + В. п.», «вместо + Р. п.»), а также сочетаниями существительного со сравнительными союзами (частицами) «как», «яко». Сравнительная семантика сочетаний с союзами «как», «яко» близка семантике замещения; подобные обороты были распространены шире в языке XVIII в.⁵, чем в современном. Например: *Салдаты и офицеры в великих преступлениях, как и прочие злодеи, могут быть пытаны, в сем нет сомнения, ибо в то время не*

яко салдат или офицер, но яко злодей почитается (Арт. воинск., 365); *...служивые и положенные в поголовной оклад должны почитаться как беломестные и государственные волосты...* (Тат., Рассужд. о ревиз., 370); *Помянутые отросточки хотя простым глазам кажутся как простые ниточки, однако состоят из многих меньших сосудов и на том вершечку соединяются, где в цвете стоит пестик* (Лом., Волф. физ., 501); *Когда же сидит с иными женами и шьет золотою иглою, тогда видится яко сама Минерва, которая во образе человеческого на землю пришла и учит людей добрым художествам* (Лом., Пох. Телем., 159); *...а о варяжском языке нигде не упоминается, чтобы он был совсем от славенского отменен, но везде варяги и славяне как одного племени почитаются* (Лом., Зам. на дисс. Милл., 36).

По мере приближения к современному речевому узусу прослеживается постепенное сокращение употребления этих форм с одними связочными глаголами и полное прекращение употребления – с другими. Форма «за + В. п.» быстрее всего вышла из именных конструкций с глаголом *служить–послужить*; последние случаи употребления относятся к 1750-м гг.: *...оные огороды каждый имел круг себя ров и валик, и всякой за самой редут служить мог* (Волк., Журн., 15); *Местоимение я вместо Семпрония Клавдиева, наречие ныне вместо полного выговору времени, а здесь и инде за именованя мест служат* (Лом., Рос. гр., 407).

В сочетании с другими связочными глаголами употребление существительного в форме «за + В. п.» существенно сокращается уже во второй половине XVIII в., соотносясь с процессом распространения Тв. предикативного существительного, однако не прекращается окончательно. Заметным было сокращение употребления формы «за + В. п.» в сочетании со связочным глаголом *казаться–показаться*: такие случаи становятся единичными; например: *...а наконец, повторяя оные рассказы, не доходил ли [охотник] иногда и до того, что уже ему и самому за истину казаться стали?* (Всяк. всяч., 299); *Многим, думаю я, покажутся сии слова за пустую подлую выдумку...* (Ком., Ванька Каин, 346); *По крику узнал кошку: она-то показала мне за шапку* (Загряж., Зап., 92); *...И самый сносный счастья гнев / Им [влюбленным] кажется за адский зев* (Несч. Ник., 689). Примечательно, что постепенно употребление формы «за + В. п.» ограничивается лишь связкой *показаться* – в сочетании со связкой *казаться* она перестает употребляться.

Гораздо шире форма «за + В. п.» продолжала употребляться с глагольными связками со значе-

нием «общего мнения» (*почитаться, считаться, вменяться, полагаться* и нек. др.). В текстах Татищева и Кантемира⁶, относящихся к 1730–1740-м гг., господствующим способом выражения именной части в сочетании со связкой *почитаться* было существительное в форме «за + В. п.» (68% и 50% среди всех форм присвязочного имени). Во второй половине XVIII в. предикативное употребление существительного в форме «за + В. п.» в конструкциях со связкой *почитаться* резко снизилось и составляло около 9,5% (тогда как доля употребления существительного в Тв. п. выросла до 37,5%). Например: *...которое [представление достопамятных приключений] за столь нужное почитается, что те времена, о которых нет обстоятельных известий, оныя за варварския веки вменяются* (Богд., Оп. СПб, 101); *Ласковые и вежливые слова не помогают и за трусость почитаются, настоящие напоминания по команде за обиду принимаются и рассеваются жалобы* (Лом., Зап. о Тауб., 252); *Ныне же [кикимора] у простолюдинов признается за женицину...* (Чулк., Пересм., 301); *Их коммерция столько маловажна была, что в оной и упражнение за бесчестие почиталось* (Гр., Сл. о происш. и учр., 343).

В целом можно говорить о том, что связки со значением «общего мнения» дольше остальных связок продолжали сочетаться с этой формой; конструкции с ней широко встречаются еще в текстах 1780–1790-х гг.; ср.: *Грамматики и лексиконы почти одни признаются всеми за необходимые без противоречия* (Нов., О восп. и наст. д., 103–104); *...и повары, которые сперва не за первого человека в доме считались, стали великие деньги в жалованье получать* (Щерб., О повр. нрав., 72); *...сии подарки почитаются и принимаются за действительную дань...* (Лев., Цар. п., 55); *...ибо обыкновенно в общежитии принимается за насмешку, когда кто говорит: знаю, да не скажу* (Бат., Иссл. кн., 449); *Он [Иксора] понимает у них за отца богов...* (Левш., Русск. ск., 205).

Следует иметь в виду, что форма «за + В. п.» была не единственной предложно-падежной формой, которая сочеталась со связками «общего мнения». В XVIII в. в сочетании с ними встречаются также формы «в числе + Р. п.», «в + В. п.», «через + В. п.», «между + Тв. п.» и целый ряд других⁷. Например: *Чрез игрометр, или игроскоп, разумеется инструмент, который показывает сухость и влажность воздуха* (Лом., Волф. физ., 464); *Рожденный от ней братоубивец Святополк, хотя числится между детьми Владимировыми, однако справедливым сомнением больше Ярополку приписан быть должен...*

(Лом., Др. рос. ист., 258); *Conétable во время феодального правления во Франции действительно был конюший королевский и считался между первыми министрами* (Десн., Сл. о науч. юр., 198); ...обе сии трагедии *почитаются в числе лучших в российском театре* (Нов., Оп. ист. сл., 289); ...а естли сего нет, бывает оно [мирское училище] в презрении и *почитается в тягость обществу...* (*Плат., Сл. на освящ. хр.); *Иные [народы] разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным* (Лом., Др. рос. ист., 178); *Другому казался он вскруженным толпою младенцев, азбучной учитель, котораго дразнить ни во что вменяется, ибо уловкою какою-нибудь, можно избежать его розги, и скоро с ним опять поладить* (Рад., Ж. Фед. Ушак., 164).

В течение второй половины XVIII в. Тв. предикативный становится доминирующей формой существительного и среди прочих значений начинает выражать и те значения, которые ранее выражались формой «за + В. п.» (впрочем, форма «за + В. п.» более четко указывала на кажимость, мнимость, чем Тв. предикативный). Продолжение предикативного употребления существительного в форме «за + В. п.» в XIX в. и позже было обусловлено не семантическими, а стилистическими причинами: на фоне нейтрального Тв. предикативного использование предложно-падежной формы «за + В. п.» позволяло привнести во фразу разговорно-просторечный оттенок или оттенок архаичности.

Разговорно-просторечный оттенок реализуется в сочетании со связочным глаголом *слыть–прослыть* и связкой *показаться*; например: (*слыть–прослыть*) *Он слыл за деятельного и делового человека* (Гонч., Обык. ист., 25–26); *По ее милости я прослыл за эгоиста* (Тург.. Дв. гн., 21); *Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились* (Тург., О. и д., 52); ...*ибо был я отроду нрава веселого, да к тому же и слыл не за бедного, что в свете значит немало* (Дост., Бр. Кар., 332); *Я, ну и... жандармский поручик Подлигайлов слыдем за вольнодумцев... общество косится на нас...* (Чех., Либер. д., 137); (*показаться*) *Всем показали эти полчаса за год, а когда Матюшка Гуцин полетел опять на землю – воцарилась на несколько мгновений зловещая тишина* (*Мам.-Сиб. Три к.); *Я не видала тебя трое суток!.. Они мне показали за вечность!* (Леск., Зим. д., 436); *После казенной рубленой соломы и простая травка-муравка за сахар покажется* (*Авен., Гог.-гимн.).

При употреблении со связками *почитаться* и *считаться* форма «за + В. п.» привносит оттенок архаичности; например: *Итак, даже у наших нянек чин генерала считался за предел русского счастья и, стало быть, был самым популярным национальным идеалом спокойного, прекрасного блаженства* (Дост., Ид., 327); *В ряду тех людей, с которыми Исмаилов жил, он, впрочем, не почитался за дипломата, а его считали здесь весьма способным литератором* (*Леск., Сен. яд). Связка *считаться* первоначально не сочеталась с существительным в форме «за + В. п.» и развила эту сочетаемость под влиянием синонимичной связки *почитаться*; в современном русском языке форма «за + В. п.» продолжает употребляться в конструкциях с устаревшей связкой *почитаться* и обычно избегается в сочетании с нейтральной связкой *считаться*.

Выводы. История предикативного употребления существительного в форме «за + В. п.» показывает, что ее более широкое употребление в русском языке XVIII в. было обусловлено тем, что она выражала специфический дубитативный оттенок в сочетании со связочными глаголами, выражавшими мнение, констатировала субъективность приписываемого признака. В пользу этой точки зрения, среди прочего, говорит тот факт, что в сочетании с эмергенциальными связками (*явиться, найтись, оказаться*), которые указывают на преодоление сомнения, предложно-падежная форма «за + В. п.» не встречается. Позже выражение этого значения взяло на себя существительное в форме Тв. предикативного: эта форма активно распространялась в XVIII в., особенно в его второй половине, в конструкциях со всеми полужнаменательными связками. Тв. предикативный в первой и отчасти во второй половине XVIII в., в отличие от Им. предикативного, подчеркивал, что связь между предметом и приписываемым ему признаком не заложена в предмете, не обнаруживается в нем по природе вещей, а приписывается предмету субъектом речи, т. е. носит субъективный характер [Johannet 1961]. Возможно, эта особенность Тв. предикативного была обязана его связи со сравнительным значением Тв. п. Во второй половине XVIII – XIX в. форма «за + В. п.» становится стилистическим средством, позволяющим придать фразе разговорно-просторечный, иронический или устаревший оттенок.

Примечания

¹Ср. примеры В. Н. Топорова: «държаше в милости», «сталъ бѣ в недоумѣнии и страсѣ», «быти в любви» и др.

²Высокая частотность была присуща форме «в + Пр. п.» и в более раннюю эпоху. По подсчетам Г. Н. Акимовой в русском языке середины XVIII в. доля предикативного употребления этой предложно-падежной формы среди падежных и предложно-падежных форм в позиции предиката составляла 40% [Акимова 1970: 333].

³Процентное распределение предложно-падежных форм рассчитано нами на основе абсолютных количественных данных, приводимых в указанной работе А. А. Калинина.

⁴Знаком (*) здесь и далее отмечены примеры, взятые из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). См. список источников к статье.

⁵Ср. также примеры из языка более ранней эпохи: *Той же [Лазарь] убо мученичества конец приать и видиться нынэ яко живь, в ней же сам създа великую обитель, глаголемую Равница* (Хр. 1512 г., 394); *Суть ж<е> тамъ сицевы мастерские люди такого дэла, которые иглами, золотомъ вышивають аки тканое видится* (Козм., 90. 1670) (пример из [СРЯ XI–XVII, 2: 1975]).

⁶Подробнее об особенностях употребления связочных глаголов, в частности связки *почитаться*, в произведениях А. Д. Кантемира см.: [Руднев 2013].

⁷Этот факт отмечается, например, Г. Н. Акимовой [Акимова 1970: 338].

Список источников (с сокращениями)

Авен., Гог.-гимн. – Авенариус В. П. Гоголь-гимназист: Биографическая повесть // Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Ан., Сл. о св. позн. – Аничков Д. С. Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений... говоренное Дмитрием Аничковым июня 30 дня 1770 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. С. 134–151.

Арт. воинск. – Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. С. 327–365.

Бат., Иссл. кн. – Батурич П. С. Исследование книги о заблуждениях и истине // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. С. 393–532.

Богд., Оп. СПб – Богданов А. И. Описание Санктпетербурга: Полное издание уникального

русского историко-географического труда середины XVIII века. СПб., 1997. 414 с.

Волк., Журн. – Волконский М. Н. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. [Т. XIII]. С. 9–60.

Всяк. всяч. – Всякая всячина // Русская проза XVIII века: в 2 т. М.; Л., Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 1. С. 291–321.

Гонч., Обык. ист. – Гончаров И. А. Обыкновенная история // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. Т. 1. С. 1–314.

Десн., Сл. о науч. юр. – Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. Т. 1. С. 187–235.

Дост., Бр. Кар. – Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. Т. 9. 698 с.

Дост., Ид. – Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. Т. 6. 669, [2] с.

Загряж., Зап. – Загряжский М. П. Записки (1770–1811) // Лица. Биографический альманах. Т. 2. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. С. 83–166.

Ком., Ванька Каин – Комаров М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века. М.: Современник, 1989. С. 329–396.

Кр., Почт. Дух. – Крылов И. А. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами // Крылов И. А. Сочинения: в 2 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 1. С. 37–325.

Лев., Цар. п. – Левашов П. А. Цареградские письма // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М.: Вост. лит., 1995. С. 38–100.

Левш., Русск. ск. – Левшин В. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения // Старинные диковинки: Т. 3. Кн. 1: Волшебные-богатырские повести XVIII века. М.: Сов. Россия, 1991. 496 с.

- Леск., Зим. д. – Лесков Н. С. Зимний день (Пейзаж и жанр) // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. Т. IX. С. 397–455.
- Леск., Сен. яд – Лесков Н. С. Сеничкин яд // Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Лом., Волф. физ. – Ломоносов М. В. Волфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на русский язык перевел Михайло Ломоносов императорской академии наук член и химии профессор // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. С. 419–530.
- Лом., Др. рос. ист. – Ломоносов М. В. Древняя российская история // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. С. 163–286.
- Лом., Зам. на дисс. Милл. – Ломоносов М. В. Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера «Происхождение имени и народа российского» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. С. 17–80.
- Лом., Зап. о Тауб. – Ломоносов М. В. Записка о служебных преступлениях и упущениях И. И. Тауберта, 1761 декабря 10–24 // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 10. С. 250–255.
- Лом., Пох. Телем. – Ломоносов М. В. Похождение Телемаково сына Улиссова (из книг 22 и 23) // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1983. Т. 11, доп., справ. С. 152–162.
- Лом., Рос. гр. – Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. С. 389–578.
- Лом., Сл. о п. хим. – Ломоносов М. В. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской академии наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 345–369.
- Мам.-Сиб., Три к. – Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Несч. Ник. – Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***** // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века. М.: Современник, 1989. С. 499–660.
- Нов., О восп. и наст. д. – Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей // Новиков Н. И. Избранные педагогические сочинения. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1959. С. 89–177.
- Нов., Оп. ист. сл. – Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Смеющийся Демокрит. М.: Сов. Россия, 1985. С. 246–329.
- Нов., Пох. Ив. гост. с. – Новиков И. Повести из сборника «Похождение Ивана гостиного сына» // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века. М.: Современник, 1989. С. 397–446.
- Плат., Пред. на учен. кат. – Платон (Левшин), архиепископ. Предисловие на учение катихизическое // Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Плат., Сл. на освящ. хр. – Платон (Левшин), архиепископ. Слово на освящение храма // Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Пос., Кн. о скуд. и богат. – Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие произведения. СПб.: Наука, 2004. С. 11–244.
- Рад., Ж. Фед. Ушак. – Радищев А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 1. С. 153–212.
- Тат., Дух. – Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избр. произв. Л.: Наука, 1979. С. 133–145.
- Тат., Наказ Некл. – Татищев В. Н. Наказ комиссару екатеринбургских заводов Федору Неклюдову, 15 октября 1723 г. // Татищев В. Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990. С. 69–95.
- Тат., П. Шум. – Татищев В. Н. Письмо И. Д. Шумахеру, 17 декабря 1730 г. // Татищев В. Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990. С. 137–138.
- Тат., Разг. дву прият. – Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избр. произв. Л.: Наука, 1979. С. 51–132.
- Тат., Рассужд. о ревиз. – Татищев В. Н. Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной // Татищев В. Н. Избр. произв. Л.: Наука, 1979. С. 361–391.
- Тат., Сказ. о зв. мамонте – Татищев В. Н. Сказание о звере мамонте // Татищев В. Н. Избр. произв. Л.: Наука, 1979. С. 36–50.
- Тр., Сл. о происш. и учр. – Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... говоренное... 1768 года апреля 22 дня // Избранные произведения русских мыслителей вто-

рой половины XVIII века: в 2 т. М.: Политиздат, 1952. Т. 1. С. 335–352.

Тург., О. и д. – Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 5–188.

Тург., Дв. гн. – Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 5–158.

Хр. 1512 г. – Из Хронографа 1512 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1984. С. 376–415.

Чех., Либер. д. – Чехов А. П. Либеральный душка // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 3. С. 135–138.

Чулк., Пересм. – Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки // Старинные диковинки: Т. 3. Кн. 2: Волшебные-богатырские повести XVIII века. М.: Сов. Россия, 1992. С. 5–306.

Щерб., О повр. нрав. – Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсим. изд. М.: Наука, 1984. С. 1–96.

Список литературы

Акимова Г. Н. Предикативная позиция падежных и предложно-падежных форм в языке середины XVIII в. // Slavica slovaca. 1970. Roč. 5, číslo 3. С. 327–339.

Андреева Л. А. Разграничение предложного падежа с предлогом «в» в предикативной и обстоятельственной функциях // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1964. С. 80–85.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1964. Т. 16 (У – Ф). 1610 стлб.

Вейренк Ж. Синтаксический анализ творительного падежа // Исследования по славянскому языкознанию. М.: Наука, 1971. С. 129–139.

Герасименко Н. А. Предикативные и непредикативные падежные формы // Предложение и слово: прагматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000. С. 23–28.

Гиро-Вебер М. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: можно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? // Вопросы языкознания. 2007. №1. С. 18–26.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 439, [1] с.

Калинин А. А. Семантика и предикативное функционирование предложно-падежных форм существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.

Лекант П. А. Об одной из форм сказуемого в современном русском языке (предложный падеж существительного с предлогом **в**) // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1963. Т. 138. Русский язык и литература. Вып. 8. С. 147–152.

Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1976. 143 с.

Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1990. 150 с.

Рословец Я. И. Предложно-падежные формы в предикативной функции // Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. 1960. № 148. С. 196–216.

Руднев Д. В. Система связочных глаголов в произведениях Антиоха Кантемира // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингв. исслед. РАН. Т. IX. Ч. 2. Русская историческая лексикология и лексикография XVII–XIX веков. К 100-летию Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 2013. С. 470–494.

СРЯ XI–XVII, 2 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В – ВОЛОГА). М.: Наука, 1975. 319 с.

Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 1999. 207 с.

Тимофеева Г. Е. О многофункциональности предложно-падежных форм в структуре предложения // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1970. Т. 278. С. 323–332.

Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 379 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.

Щерба Л. В. О второстепенных членах предложения // Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л.: ЛГУ, 1958. Т. 1. С. 92–103.

Johannet J. L'instrumental attribute après «есть» et «суть». Histoire d'une construction // Revue des études slaves. 1961. Vol. 38. P. 111–118.

References

Akimova G. N. Predikativnaja pozicija padezhnykh i predlozhno-padezhnykh form vazyake

serediny XVIII v. [Predicative position of case and prepositional-case forms in the language of the middle of the XVIII century]. *Slavica slovaca*. 1970. Iss. 5, No 3. P. 327–339.

Andreeva L. A. Razgranichenie predlozhnogo padezha s predlogom “v” v predikativnoj i obstojatel’svennoj funkcijakh [Differentiation of prepositional case with preposition “in” in predicative and adverbial functions] // *Kratkie ocherki po russkomu jazyku* [Brief essays on the Russian language]. Voronezh: Voronezh Univ. Publ., 1964. P. 80–85.

BAS – Slovar’ sovremennogo russkogo jazyka: v 17 t. [A Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. Vol. 16.

Gerasimenko N. A. Predikativnye i nepredikativnye padezhnye formy [Predicative and non-predicative case forms]. *Predlozhenie i slovo: pragmaticeskij, tekstovoj i kommunikativnyj aspekty* [Sentence and word: pragmatic, textual and communicative aspects]. Saratov, 2000. P. 23–28.

Giro-Veber M. Sushhestvitel’noe v funkcii imenogo skazuemogo v sovremennom russkom jazyke: mozno li eshho govorit’ o semanticheskom protivopostavlennii “Im. vs. Tv.”? [Noun in nominal predicate function in modern Russian: is it still possible to talk about the semantic opposition of “Nom. vs. Inst.”?]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2007. No 1. P. 18–26.

Kalinin A. A. Semantika i predikativnoe funkcionirovanie predlozhno-padezhnykh form sushhestvitel’nogo v sovremennom russkom jazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Semantics and predicative functioning of case and prepositional-case forms of nouns in the modern Russian language. PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 23 p.

Lekant P. A. Ob odnoj iz form skazuemogo v sovremennom russkom jazyke (predlozhnyj padezh sushhestvitel’nogo s predlogom v) [One of predicative forms in modern Russian (prepositional case of noun with preposition “in”)] // *Uchjonye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoj* [Scientific notes of Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaja]. 1963. Vol. 138. *Russkij jazyk i literatura* [Russian Language and Literature]. Iss. 8. P. 147–152.

Lekant P. A. Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom jazyke [Types and forms of predicates in modern Russian]. Moscow: Vysshaja shkola, 1976. 143 p.

Mrazek R. Sravnitel’nyj sintaksis slavjanskikh literaturnykh jazykov. Iskhodnye struktury prostogo predlozhenija [Comparative syntax of Slavic literary languages. Original structures of the simple sentence]. Brno: J. E. Purkine Univ. Publ., 1990. 150 p.

Roslovec Ja. I. Predlozhno-padezhnye formy v predikativnoj funkcii [Prepositional-case forms in predicative function]. *Uchjonye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina* [Scientific notes of Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin]. 1960. No 148. P. 196–216.

Rudnev D. V. Sistema svjazochnykh glagolov v proizvedenijakh Antiokha Kantemira [System of copular verbs in the works by Antiochus Cantemir]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy In-ta lingv. issled. RAN.* [Acta Linguistica Petropolitana. Proc. of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences] Vol. IX. Part 2. *Russkaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija XVII–XIX vekov. K 100-letiju Ju. S. Sorokina* [Russian historical lexicology and lexicography of the XVII–XIX centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. P. 470–494.

Shakhmatov A. A. Sintaksis russkogo jazyka [Russian language syntax]. Ed. by E. S. Istrina. Leningrad: Uchpedgiz Publ., Leningrad department, 1941. 620 p.

SRJA XI–XVII, 2 – Slovar’ russkogo jazyka XI–XVII vv. [A Dictionary of Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 2 (V – VOLOGA). Moscow: Nauka Publ., 1975. 319 p.

Ssherba L. V. O vtorostepennykh chlenakh predlozhenija [About secondary members of sentence]. *Ssherba L. V. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1958. Vol. 1. P. 92–103.

Tarlanov Z. K. Stanovlenie tipologii russkogo predlozhenija v ejo otnoshenii k ehtnofilosofii [Formation of typology of Russian sentences in its relation to ethnic philosophy]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1999. 207 p.

Timofeeva G. E. O mnogofunkcional’nosti predlozhno-padezhnykh form v strukture predlozhenija [About multifunctionality of prepositional-case forms in the sentence structure]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoj* [Scientific notes of Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaja]. 1970. Vol. 278. P. 323–332.

Toporov V. N. Lokativ v slavjanskikh jazykakh [Locative in Slavic languages]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 379 p.

Veyrenk Zh. Sintaksicheskij analiz tvoritel’nogo padezha [Syntactic analysis of instrumental case]. *Issledovanija po slavjanskomu jazykoznaniju* [Studies in Slavic linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1971. P. 129–139.

Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar’: Repertuar ehlementarnykh edinic russkogo sintaksisa [A syn-

tactic dictionary: a set of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 439 p.

PREDICATIVE USE OF NOUN PREPOSITIONAL FORM “ZA + ACCUSATIVE” IN HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Dmitrij V. Rudnev
Reader of Russian Language Department
Saint-Petersburg State University

The article discusses the predicative use of the noun prepositional-case form “za + accusative” in structures with semicopulative verbs in the Russian language of the XVIII–XIXth centuries. In the first half of the XVIIIth century this prepositional-case form is often found in structures with semicopulative verbs, expressing a shade of doubt used as a means of expressing modus. Its widespread use was due to the small spread of predicative instrumental case of the noun in predicative structures with semicopulative verbs. Since the mid XVIIIth century the instrumental case of the noun had quickly been replaced by the form “za + accusative”.

The possibility of such replacement was due to the fact that the predicative instrumental case of the noun, displacing the predicative nominative case, allowed to express a wider range of predicate values associated with other values of the instrumental case, in particular, the value of comparison, the value of method and mode of action, which are close to the semantics of the prepositional-case form “za + accusative”.

The replacement of the prepositional-case form “za + accusative” with the predicative instrumental case of the noun was proceeding till the XIXth century. The result of that process was the restriction of the predicative use of the form “za + accusative” with a very small circle of copulas (*slyt*’, *proslýt*’, *schitat*’*sya*, *pochitat*’*sya*, *pokazat*’*sya*). Cessation of using the prepositional-case form as part of the nominal predicate proceeded differently in combination with different semicopulative verbs: first of all, in the middle of the XVIIIth century the form stopped be used in constructions with copular verb *sluzhit*’–*posluzhit*’; the longest time it was kept in structures with semicopulative verbs meaning common opinion (*schitat*’*sya*, *pochitat*’*sya*, *polagat*’*sya*, *razumet*’*sya*, *chislit*’*sya*, etc.). The latter was due to the fact that during the XVIIIth century semicopulative verbs with the meaning of common opinion were very often combined with various prepositional-case forms of the noun. In contemporary Russian the prepositional-case form “za + accusative” is a stylistic device that makes an utterance colloquial, archaic or ironic.

Key words: Russian language; history of language; simple sentence; compound nominal predicate; copular verb; nominal part; semantics.